

— Ну, наконец-то... — послышался приглушенный звук, а затем и отчетливый позыв к рвоте. — Ох... Еще бы немного, и я бы точно душу богам отдал. Какая же глушь! Кажется, даже варвары в годы великого нашествия не отыскали бы это место, а твоему отцу — надо же! — удалось.

— Простите, учитель, мне жаль, что вам пришлось так страдать, — бледный как полотно Чэнь Цинхуай виновато поклонился, едва сдерживая собственную тошноту.

Долгий путь и бесконечная тряска вымотали путников. Особенно несладко пришлось Лян Боцину: бедолагу так сильно укачивало в повозке, что на полпути он едва не расстался с жизнью от неустанной рвоты.

Когда экипаж окончательно замер, слуга поспешил к воротам и постучал. Вскоре на пороге показался Линьцзы. Он с недоумением оглядел неожиданных гостей и спросил:

— Позвольте узнать, кого вы ищете?

Сопровождающий извлек из-за пазухи письмо от Чэнь Цзина и протянул юноше:

— Я состою на службе у господина Чэня. Мне велено доставить молодого господина и господина Ляна в родовое поместье.

Линьцзы мигом скрылся в доме, чтобы доложить хозяйкам, и вскоре госпожа Ли и Чэнь Жун поспешили навстречу прибывшим.

— Цинхуай? — воскликнула госпожа Ли.

— Старшая невестка! Третья тетушка! — Чэнь Цинхуай почтительно поклонился старшим родственницам.

— Надо же, помнишь нас! — улыбнулась женщина, оглядывая племянника. — Как же ты вырос, милый ребенок. Живо заходите в дом, вы, верно, совсем измучились в дороге.

— Всё в порядке, — вежливо отозвался юноша.

Заметив за его спиной худощавого мужчину средних лет, госпожа Ли обратилась к нему:

— Вы, должно быть, тот самый господин Лян, о котором четвертый брат упоминал в своем письме?

Лян Боцин сложил руки в приветственном жесте:

— Мое почтение, сударыни.

— Просим вас, господин, отбросьте церемонии. Проходите же скорее.

Оказавшись в гостиной, госпожа Ли усадила племянника рядом и принялась расспрашивать о делах в его семье.

— Отец и матушка вместе с сестрами и младшим братом отправились в Шаньчжоу. Как только они обустроятся на новом месте, сразу напишут письмо.

— С твоей матерью мы не виделись уже больше десяти лет, — вздохнула госпожа Ли. — В прошлый раз, когда вы приезжали, она как раз носила под сердцем третьего, и дорога была ей не под силу. Кто знает, когда теперь свидимся.

Чэнь Жун согласно кивнула:

— И не говори. Как четвертого брата назначили на службу, так мы её и не встречали. Я уж и забывать стала, как невестка выглядит.

Женщины погрузились в воспоминания и тихие сетования. Сидевший поодаль наставник чувствовал, что его терпение на исходе. Слушать бесконечное женское щебетание было выше его сил. Решив, что это не закончится никогда, он просто закатил глаза и картинно лишился чувств.

— Ох! Что это с господином Ляном?! Скорее, позовите лекаря!

Вскоре прибывший врач осмотрел гостя и вынес вердикт: крайнее истощение и слабость после долгого пути. Пациенту требовался полный покой и отдых.

Госпожа Ли тут же распорядилась приготовить наваристый куриный бульон и велела более не беспокоить гостя.

Как только шаги за дверью стихли, Лян Боцин приоткрыл один глаз:

— Ушли?

— Учитель, ну зачем вы снова прикидываетесь? — укоризненно прошептал Цинхуай.

— Сил моих нет слушать их причитания. Где твой двоюродный брат?

— Тетушка сказала, что он сейчас в поместье, на ферме. Вернется только завтра.

Лян Боцин сел на постели и фыркнул:

— Если бы не желание взглянуть на этого мальчишку, я бы ни за что не потащился в такую даль. Твой отец расписывал его так, будто он — чудо из чудес, каких свет не видывал. Вот и поглядим завтра, что он за фрукт такой.

Чэнь Цинхуай посерьезнел:

— Старший брат правда очень способный. Он в четырнадцать лет сдал экзамен на туншэна. Если бы не те козни, он бы давно уже стал сюцаем.

— Подумаешь, сюцай, — пренебрежительно махнул рукой наставник. — Даже цзюйжэнь — пустое место, если он не вошел во второй ранг на дворцовых экзаменах.

Юноша хотел было возразить, но промолчал. Хорошо еще, что его отец занял тридцать седьмое место именно во втором ранге, а значит, по логике учителя, «пустым местом» не считался...

***

Тем временем Чэнь Цинъянь и Ван Ин всюду трудились над обустройством двора их нового дома. На днях они закончили возводить ограду, и сегодня оставалось лишь вымостить территорию, чтобы считать строительство законченным.

Поскольку усадьба располагалась вблизи гор, Ван Ин, заботясь о безопасности, велел огородить приличный участок леса за домом крепким частоколом, дабы лесные звери не забредали на территорию.

Мебель тоже была готова. В главной спальне вместо обычной кровати супруг распорядился возвести кан. Это была классическая обогреваемая лежанка, привычная для северных деревень: снаружи обустраивали топку, а внутри проходил дымоход. Стоило бросить в печь охапку дров, и постель оставалась теплой едва ли не полдня.

Пока мастера возводили кан, вокруг собирались толпы любопытных сельчан — никто из них раньше не видел кроватей, которые можно было бы протапливать.

Когда кирпичи просохли, Ин застелил лежанку циновками. Стоило один раз разжечь огонь, как тепло сохранялось до самого утра.

Многие крестьяне, у которых в домах были старики, тут же загорелись идеей построить себе такие же. Пожилые люди часто страдали от холода в костях, а с такой лежанкой зима обещала

стать куда милосерднее.

По желанию Чэнь Цинъяня в саду возвели шестигранную беседку. Внутри установили каменный стол и скамьи, чтобы в свободные часы можно было отдыхать здесь, любуясь цветами.

К полудню двор был почти готов. Сразу после обеда Эршунь принес весть: прибыли брат Цинхуай и его наставник.

Супруги поспешили подготовить комнаты. Ван Ин велел дяде Чэню достать новые одеяла и проветрить их на солнце. Хоть они и не знали, задержатся ли гости надолго, следовало подготовиться по высшему разряду, чтобы не ударить в грязь лицом. Тем более четвертый дядя в письме предупреждал: у его друга характер весьма непростой, и не стоило обижать его невниманием после столь долгого пути.

***

На следующее утро супруги отправились в город.

Войдя во двор, они не встретили ни Цинхуая, ни его учителя. Цинъянь в замешательстве спросил у матери:

— Нам сказали, что брат приехал вчера. Где же они?

— С самого утра этот господин Лян увел Цинхуая гулять, — ответила госпожа Ли. — Сказал, что желает поглядеть на местные нравы.

«Надо же, вчера был при смерти, а стоило одну ночь проспать — и уже полон сил. Станный человек»

Цинъянь невольно покачал головой.

На самом же деле Лян Боцин просто проголодался. Весь путь он питался кое-как, и во рту у него, по собственному выражению, уже «птицы гнезда вили» от безвкусной еды.

В доме Чэней из-за его вчерашнего недуга сегодня подавали лишь пресные и легкие блюда, которые он терпеть не мог. Не выдержав, он утащил ученика на улицу, чтобы раздобыть какой-нибудь «дикой» снеди.

— Пфу! Что это за вонтоны такие, что песок на зубах скрипит? — старик выплюнул камешек, едва не сломав об него зуб.

Хозяйка лотка с улыбкой запричитала:

— Верно, в муку камешек попал, не гневайтесь, господин, я вам сейчас еще парочку сверху положу.

Что ж, на улыбку гневом не ответишь. Однако есть эти вонтоны он более не мог, поэтому пододвинул чашку к Цинхуаю:

— Доедай за мной, а я пойду лепешек сахарных куплю.

— Слушаюсь... — Цинхуай, привычный к повадкам учителя, в три глотка расправился с остатками, расплатился и поспешил следом.

***

Вдоволь нагулявшись и наевшись, они вернулись к обеду. Именно тогда Лян Боцин наконец увидел того самого «достойного племянника», о котором столько слышал от Чэнь Цзина.

Чэнь Цинъянь и Ван Ин тоже внимательно разглядывали гостя. Перед ними предстал сурового вида мужчина; он шел, заложив руки за спину, и сверлил их пронзительным взглядом. Картина была бы весьма устрашающей, если бы в его бороде не запутался листок кинзы...

— Племянник Чэнь Цинъянь вместе с супругом Ван Ином приветствуют вас, господин Лян.

Стоявший позади Чэнь Цинхуай, одолеваемый икотой после сытного обеда, выдавил:

— Здравствуй, брат... невестка.

Обменявшись формальными приветствиями, Лян Боцин сразу перешел к делу:

— Ты всё еще читаешь книги?

Чэнь Цинъянь на миг растерлся, не понимая, к чему клонит гость:

— Отвечаю господину: я уделяю учению по три часа ежедневно и не смею лениться.

Лян Боцин едва заметно кивнул.

— «С тем, кто сам губит себя, невозможно рассуждать; с тем, кто сам бросает себя, невозможно действовать». Эти слова принадлежат Мэн-цзы. Он порицал тех, кто опускает

руки.

Старик полагал, что после случившегося юноша давно забросил книги. Видя обратное, он отметил про себя, что дух этого мальчика довольно крепок.

Зайдя в дом, наставник принялся экзаменовать Цинъяня. Вопросы его касались «Четверокнижия» и «Пятикнижия». Цинъянь отвечал уверенно и плавно, но стоило гостю копнуть глубже, как знания юноши начали иссыхать. В конце концов, у него никогда не было настоящего учителя, и достичь такого уровня самостоятельно уже было подвигом.

Цинъянь, не зная истинных намерений гостя, со вздохом произнес:

— Господин Лян, возможно, вы не знаете, но путь к чиновничьим чинам для меня закрыт...

— Знаю. Чжэнхэ мне всё рассказал, — Лян Боцин упомянул второе имя Чэнь Цзина.

Цинъянь поджал губы, ожидая нравоучений, но собеседник вдруг произнес:

— В каком-то смысле мы с тобой товарищи по несчастью. Глядя на тебя, я словно вижу самого себя в юности.

— И с вами случалось подобное?

— Неужто ты не слыхал моего имени? Янчжоу — Лян Люфан.

Глаза Чэнь Цинъяня округлились. Он замер, не в силах поверить услышанному. Перед ним стоял тот самый Лян Люфан, который некогда возглавлял список десяти великих талантов Цзяннани!

Видя его потрясение, наставник понял, что его слава еще жива. Если бы не сходство их судеб, он бы никогда не проделал такой путь.

В глазах Цинъяня заблестели слезы, слова застряли в горле.

— Полно. О былом вспоминать не стоит. Слышал, вы переезжаете в поместье? Далеко это?

Юноша поспешно смахнул слезу:

— Нет... совсем нет.

Лян Боцин не желал оставаться в большом городском доме. Учитывая, что одна хозяйка была вдовой, а вторая жила в разводе, постороннему мужчине находиться под одной крышей с ними было не по чину.

Заметив его сомнения, Ван Ин вмешался:

— Поместье всего в сорока ли отсюда. Там горы, реки, воздух чист и свеж. Все жители — наши арендаторы, люди добрые и простые. Наш новый дом просторен, а за ним в горах есть теплый источник. Зимой купание в нем прогоняет холод и лечит суставы.

Лицо Лян Боцина светлело с каждым словом. А когда он услышал, что возле источника можно даже зимой выращивать свежую зелень, то не выдержал и хлопнул по столу:

— Идем! Едем жить в поместье!

Ван Ин не смог сдержать улыбки, глядя на такую горячность старика.

— Господин Лян, если вам что-то нужно, мы закупим всё в городе перед отъездом.

— Еды возьмите побольше, а остальное — пустое.

Сам он был ходячей библиотекой; знаний в его голове хранилось больше, чем во всех свитках столичной академии.

***

После обеда процессия из повозок и мулов двинулась в сторону поместья семьи Чэнь.

В пути Лян Боцин подозвал Цинъяня к себе в повозку и заговорил:

— Парень, ты знаешь лишь то, что меня оклеветали на экзаменах. Но ты не знаешь, что позже император милостиво позволил мне пересдать их.

Юноша от волнения вскочил и так сильно ударился головой о крышу повозки, что искры из глаз посыпались.

— Но почему же вы...

— Почему я так и не стал цзюйжэнем?

— Да!

— В те годы я был слишком горд. Я написал стихи о том, что нога моя вовек не переступит порог императорского дома. Мне показалось, что возвращаться на экзамены будет позором для моей чести, и я отказался.

Чэнь Цинъянь лишился дара речи.

— Теперь-то я понимаю, как это было глупо. Мы, книжники, по сути своей учимся лишь для того, чтобы «продать» свои таланты государю. Даже если ты хочешь нести свои идеи в мир, тебе нужно положение. Кто станет слушать простого сюэя?

Слова наставника поразили юношу своей прямоотой и мудростью.

— За эти годы я объездил немало мест. Видел, как мои бывшие сокурсники, которые и в подметки мне не годились, становились великими учеными и наставниками. И с каждым годом я всё яснее видел свою ошибку.

— Поэтому я решил: пока силы еще есть, возьму учеников. Негоже, чтобы люди помнили лишь мое имя, но не ведали о талантах Лян Люфана.

Цинъянь слушал затаив дыхание.

— Твой ум не назовешь выдающимся, но дух крепок. Так и быть, приму тебя. Будешь учиться вместе с Цинхуаем. Я сделаю твое имя известным, и тогда, возможно, у тебя еще появится шанс вернуться на путь к чинам.

За эти годы бесчисленное множество людей молили его о наставничестве, среди них были и гениальные дети, но он не достаивал их и взглядом. Он был высокомерен по натуре, и если бы не дружба с Чэнь Цзином и не симпатия к этому юноше, он бы никогда не согласился на это.

Чэнь Цинъянь опустился на колени прямо в повозке и трижды крепко ударил челом о доски пола:

— Я, Цинъянь, почту за честь стать вашим учеником!

— Вставай, вставай. Это еще не всё. С тебя — настоящий обряд посвящения, и не забудь про доброе вино и мясо!

Чэнь Цинъянь лишь счастливо улыбнулся.

<http://bllate.org/book/15812/1438911>